

Рецензия д. филол. наук Ю. Б. Орлицкого
(Библио-Глобус. 2001. № 8 (17). С. 7.)

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Т. I: А–В / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л.,
Бакеркина В. В., Гик А. В., Колодяжная Л. И.,
Реутт Т. Е., Фатеева Н. А.
М.: Языки славянской культуры, 2001. – 896 с.

Аннотация и предисловие к этой уникальной во всех отношениях книге заключают неожиданное, на первый взгляд, заявление, что главным ее адресатом является не специалист, а широкий читатель. Написавшего эти слова Виктора Петровича Григорьева, самого авторитетного специалиста по поэзии В. Хлебникова, можно заподозрить в чем угодно, но только не в неискренности: если пишет, значит действительно именно так думает. Так что специалист с неизбежностью начинает знакомиться со словарем, находясь во власти этой почти детективной интриги.

Надо сказать, что словарь действительно не похож ни на один из своих не столь уж и многочисленных аналогов. Прежде всего, объяснительная часть подавляющего большинства из семи с половиной тысяч включенных в него статей сведена к минимуму. Зато примеры даны с потрясающей щедростью: во-первых, для некоторых слов – это не обычные пять-шесть, а десятки контекстов: во-вторых, сами эти контексты достаточно широки, как правило, – это четверостишия целиком, в некоторых случаях – двустишия.

Далее, принцип отбора авторов: составители словаря отчаянно рискнули выбрать из всего богатства и разнообразия обозначенной на обложке «русской поэзии XX века» лишь десять имен: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Предвидя неизбежные возражения и сомнения читателей и критиков. Григорьев сам вопрошает (очевидно, в первую очередь себя): «Разве так уж менее достойны, скажем, А. Белый, Бальмонт, Брюсов, Бунин...» и т.д. Затем приводится не менее длинный и представительный список современных авторов, свидетельствующий о прекрасном знании и этого явления, что крайне редко встречается, к сожалению, в академических кругах.

Следом за этим Григорьев признается: «Некоторый субъективизм нашего начального выбора очевиден», выделяя курсивом слово «начального» – и далее с феерической щедростью рисует перспективы

дальнейшей работы по расширению объемов своего любимого детища до масштабов словаря русской (а затем и мировой) культуры. Разумеется, это мечты (пока что первый том охватил только первые три буквы русского алфавита), но мечты если и не осуществимые, то безусловно конструктивные, задающие верный контекст уже созданного словаря.

Заглянем, однако, в него. И убедимся, что каждая словарная статья – это готовое исследование по истории русского художественного слова. Например, эпитет «вечный». В 1900-е годы его монополизировал А. Блок, лишь изредка допускающий в эту область И. Анненского. Это его – вечные слезы, вечный дух, вечный пламень, вечная душа, вечный жар любви – в общем, весь вечный словарь русского символизма. При этом некоторые словоупотребления повторяются по несколько раз почти дословно, создавая прочную основу авторского мира.

Но вот с 1908 года в мир вечного вторгаются сначала Хлебников и Цветаева, а затем Кузмин, Мандельштам, Ахматова, Есенин... И Блок, еще живой и пишущий, постепенно оттесняется младшими современниками, а его – и общая – вечность постепенно теряет изначальную сакральность: теперь ей принадлежат не только вечные любовь и гость, но и вечный беспорядок, и вечный враг, и вечная склока, и даже вечный трёп (у Хлебникова). И, будто бы наслушавшись и начитавшись своих учеников-современников, Блок уже сам говорит про вечный снег, вечные перемены, вечный вой... В 1922 году Цветаева признается в усталости от вечных (блоковских!) женственностей и приветствует «вечной мужественности взмах», а спустя тридцать пять лет Пастернак навсегда закрепляет этот эпитет за Блоком в стихах о нем: «...И вечный вне школ и систем». То есть на трех страницах убористого шрифта – вся история русской поэзии, царения, низвержения и канонизации одного поэта, сомнений и борений других, богатой и сложной жизни одного, всеобнимающего, русского слова!

А вот Варфоломеевскую (разумеется, ночь) впустил в свои стихи только Пастернак. Впустил дважды, в двух вариантах одного стихотворения; увидев их рядом в одной словарной статье, можно точно определить направление эволюции поэта.

Можно с помощью словаря и себя проверить: например, кто чаще всех произносит глагол «баюкать»? Правильно, Цветаева. Но еще и Есенин, и Ахматова, и Блок, и Мандельштам...

К сожалению, авторы словаря не указывают суммарной частотности каждого слова тут же, в статье – это тоже было бы крайне интересно. Жалко и то, что в основе их выборки лежат не самые полные, и, что гораздо важнее, – не самые новые, текстологически достоверные издания классики. Например, Блок цитируется по восьмитомнику 1960-го, а

Есенин – по пятитомнику 1961 года, в то время как оба эти поэта наконец-то дождались своих академических собраний в конце 1990-х. Это, конечно, можно объяснить огромным объемом многолетней работы, но читателю до того ли?

Отметим еще одно достоинство словаря: получилась великолепная поэтическая книга из произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века, своего рода антология, позволяющая и специалисту, и любому ценителю русской поэзии и языка (вот он, интригующий читательский адрес!), еще раз насладиться и красотой русского слова, и его безграничными художественными потенциями, и мастерством их воплощения великими русскими поэтами. А заодно и «судить и о ритмике окружения заглавного слова, и о «приращениях смысла» в нем самом, и об истории слова в поэтическом языке эпохи».

Ю. Орлицкий